

WARHAMMER

40,000

Tales of planetary destruction from the 41st millennium.
Featuring fiction from Graham McNeill, Steve Parker,
Matt Farrer and more.

PLANETKILL

Edited by Nick Kyme and Lindsey Priestley

Annotation

Война в мире Sirene Primal. Армия Империи ведет борьбу с сепаратистскими партизанскими силами за контроль над этой жизненно важной планетой. Цепь странных смертей приводит Инквизитора Obodiah Ром в мир, где он обнаруживает угрозу намного больше важной, чем повстанцы - угроза инопланетного происхождения, что будет означать конец.

-
- [Генри Зю](#)

○

Генри Зү

Песня в Пустоте.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОХЛАДА быстро опускалась на горы Сирены. В уже сумракавшихся сумерках проезжавшие машины казались фигурами из театров теней, чьи угловатые силуэты двигались на фоне коричнево-желтых декораций.

Капитан Саул Гонан из 8-го Амартинского кавалерийского полка высунулся из-под защитной дуги своей полугусеничной машины, наводя турельный тяжелый стаббер на глубокие тени в сумерках. Его конвой проезжал через очередную деревню, окруженную сагами. Еще одно поселение, опустошенное войной, гота, похожие на пагоды, соломенные стены согнули и покрылись плесенью, черепицы крыши поросли мхом. Кое-где разросшиеся чайные кусты цеплялись за остовы пустых гот, не позволяя разглядеть, какой была деревня до войны с сепаратистами.

Это была уже десятая деревянная, которую колонна под командованием капитана проезжала за этот день. Мгла сумерек, скука и усталость притупили его бдительность. Не удивительно, что Гонан не заметил бронированную фигуру, прячущуюся в густых зарослях мирта.

Он не заметил выстрела, который убил его водителя. Лишь шипящий треск лазгана и за ним — фонтан артериальной крови, забрызгавшей ветровое стекло. Водитель, неопытный молодой капрал, хрипло закричал от шока и ужаса, и резко нажал на тормоза. Немедленно колонна из десятка машин сбилась в неуклюжую кучу, гусеницы пытались зацепиться за горную сланцеватую почву.

Заглушая визг тормозов и рокот двигателей, Гонан закричал:

— Противник! Слева по направлению движения!

Поздно, враг уже атаковал их. Залп лазганов хлестнул по разведывательным полугусеничным машинам. АМ-10 «Козероги», характерные для 8-го Амартинского, представляли собой

двухтонные багги с гусеницами вместо задних колес, вооруженные тяжелыми стабберами. С солдатским цинизмом прозванные «козлами отпущения», они считались смертельными ловушками для своих экипажей из двух человек. Сразу же шесть гвардейцев были убиты и две машины выведены из строя еще до того, как они успели хоть как-то отреагировать.

За вторым залпом лазганов раздался ревущий боевой клич пяти десятков воинов, бросившихся в бой из засады. Ледяная паника охватила Гонана, на секунду парализовав. В полном воинском облачении бойцы за независимость Сирены являли собой устрашающее зрелище. Три десятка атакующих были из секты Учеников Хана, высокие воины грозного вида, облаченные в мозаичные кольчуги нефритового цвета, и вооруженные разнообразными пиками и картечными пушками. Еще десяток бойцов пробивался сквозь заросли, эти носили пластичную броню Символистов, они уже отбросили трофейные лазганы и взялись за

свои зазубренные сабли. Остальные были из секты Мастеров Клинка, их ярко расшитые узоры одеяния развевались, как крылья огромных хищных птиц.

Начался пандемониум. Когда строй кричащих воинов врезался в левый фланг колонны, это ничуть не было похоже на те героические боевые картины, что были так живописно вытканы на одеяниях Символистов. Вместо этого перед глазами Гонана развернулась грязная, кровавая и страшная схватка, люди убивали друг друга в кипящей ярости ближнего боя.

Амартинский гвардеец вопил и причитал, когда Ученик Хана забивал его до смерти сломанными половинками своей палицы. Сержант Гвардии схватился с Мастером Клинка, пытаясь вырвать из его рук алебарду, и вцепился зубами в шею воина.

Капитан Гонан едва успел выхватить штык-нож, когда Ученик Хана бросился на него, запрыгнув на капот его машины. Гонан никогда не видел более свирепого хищника. Грива густых черных волос,

заплетенных в множество косичек, спускалась ниже колен, в скулы были вдеты серебряные стержни. На нем были доспехи из сцепленных нефритовых чешуй, коричнево-зеленых от древности, и тогда Гонан нацелил свой штык-нож. Он пытался вонзить тридцать сантиметров стали в ребро врага, но Ученик Хана с грацией хищника увернулся, и ударил открытой ладонью. Первый удар разбил нос Гонана, практически размазав его по правой щеке, брызнула кровь и слезы. Инстинктивно офицер ткнул штыком в почки противника, сталь пронзила древний нефрит. Если Ученик Хана и почувствовал что-то, то никак этого не проявил. Следующий удар сломал ребра Гонана, отбросив его на защитную дугу машины.

Гонан не сомневался, что в рукопашной схватке мятежник разорвет его на части. Для воинских сект Сирены рукопашный бой был формой искусства. Теперь он понимал, почему в культуре Сирены столь почитавшей искусство и литературу, эти бойцы считались

величайшими художниками. От танца клинка до руки, наносящей удар, движения их были наполнены жестокой, яростной красотой. Сражаться с ними в рукопашном бою было самоубийством.

Вместо этого капитан Гонан выхватил из кобуры лазерный пистолет и выпустил в противника половину аккумулятора. Что случилось дальше, Гонан не помнил. Видимо, он на некоторое время потерял сознание, но насколько точно, он не знал. Когда туман перед глазами рассеялся, Гонан обнаружил, что лежит на решетчатом полу своей машины, а сверху на него навалился мертвый тятеежник. Ощущение было такое, словно танк проехался по черепу, и на секунду Гонану захотелось провалиться обратно в бархатную тьму беспамятства.

Но звуки боя, крики и удары прояснили его затуманенный болью разум. Вокруг продолжался бой, оглушительный и жестокий. Гонан оттолкнул труп и, с трудом поднявшись, встал за тяжелый стаббер. Ноги подогнулись, он упал на колени, но выпрямился снова и схватился

за стаббер.

-- Огонь! -- крикнул Гонан охрипшим голосом.

Мятежники словно специально выбрали этот момент, чтобы заглушить команду Гонана громогласным боевым кличем. Вскочивший на канот АМ-10 Символист размахнулся зазубренной саблей. Гонан нажал спусковой крючок. Очередь из стаббера поразила цель с такой силой, что воин отлетел в одну сторону, а его сабля в другую.

Сразу же Гонан развернул стаббер и снова открыл огонь. На этот раз глиняная очередь. Мозаичная броня разлеталась на куски, когда Гонан скопил огнем группу Учеников Хана не более чем в десяти метрах от кормы его машины.

Несмотря на опустошительное действие, производимое огнем тяжелого оружия на столь близком расстоянии, было слишком поздно изменить ход боя. Восемь из десяти «Козерогов» АМ-10 были уже превращены в обломки, их экипажи вытащены из машин и безжалостно убиты. Из солдат Гонана осталось в живых

не более шести человек, слишком мало, чтобы организовать хоть сколько-нибудь серьезное сопротивление. И Гонан сделал то, что должен был сделать любой имперский офицер. Выпустив последние заряды из стаббера, капитан достал лазерный пистолет, и, сойдя со своей машины, бросился в бой.

КОГДА имперские патрули обнаружили остатки попавшего в засаду конвоя, было уже за полночь. Они нашли тело капитана Саула Гонана, страшно изуродованное и насаженное на пик. Трупы его солдат были разложены перед ним ровным рядом. С них сняли ботинки и забрали оружие, но капитан Гонан все еще сжимал в руке лазерный пистолет без зарядов. Его глаза были открыты.

Это была вполне обыденная сцена на истерзанной войной поверхности Сирены. И имперские войска и мятежники проявляли почти демонстративную жестокость. Целые батальоны Имперской Гвардии были найдены распятыми на крестах, в ответ деревни и лагеря

беженцев уничтожались огнем артиллерии в замкнутом круге ожесточенного противостояния. Несмотря на все это, позже имперские историки заявляли, что по сравнению с событиями, развернувшимися на поздних этапах войны, акты жестокости времен мятежа выглядят совершенно несущественными.

ГОРЬИ были опасны в это время года.

Полярное равноденствие закончилось, и ледяные шапки таяли, массы воды и льда хлынули по склонам. Тысячи людей были в пути тогда. Узкие теснины были забиты караванами вьючных животных и сотнями трудом бредущими людьми. Толпы беженцев, вырвавшихся из истекающих кровью сел и городов, и отряды усталых сепаратистов пытались перебраться через ледяные хребты этих гор.

В таком месте оказался инквизитор Ободайя Росс на четвертый год партизанской войны. Он прибыл сюда по приказу Ордо Еретикус. И дело, которое ему было поручено, казалось не слишком важным. Сообщение из Ордо гласило:

«Утеренные психические сигналы, исходящие с Сирены J. Приоритет второстепенный». Этому явно не придавали значения.

Первые психические сигналы были замечены восемь месяцев назад. Псайкеры имперского военного флота зафиксировали сильный психический поток, исходящий с самой планеты. Потом начали поступать доклады из соседнего суб-сектора Омеи. Астронавты на аванпосту миссионеров в тундре Алипсии Секундус перерезали себе горло, написали кровью имя планеты и беззвучно шептали «Сирена J», пока не умерли.

Сначала решили, что этот феномен — психическое эхо войны, охватившей Сирену J. Это было необычно, но не являлось чем-то неслыханным. Боль и страдания миллиардов людей могли слиться в психическую волну в варне. Ученые называли это лебединой песней планеты. Несмотря на это, высшие чины Ордо Еретикус сочли, что это дело стоит расследовать, и оно отлично подходит, чтобы молодые инквизиторы могли

набраться опыта. Или им так казалось.

Сирена J не всегда была такой. Затерянная на Восточной Окраине Империи, она плыла, как неяркая желчужина в темных глубинах Вселенной. Последние из Древних утвари вечности назад, их окаменевшие останки сформировали колоссальные горные хребты и плато. На них архитекторы Сиры строили свои колоннады и украшенные цветами монолиты зиккуратов.

Сейчас это был совсем другой мир. Стоя на неровном каменном клыке, Россия видела угрожающие силуэты «Стервятников», скользящих над горами Сефарди в поисках целей. Еще выше, в тучах, проносились имперские бомбардировщики «Мародер», словно клинки, разрезающие небо.

Под ним горные склоны изгибались в скалистые уступы. Среди каменных осыпей и булыжников блестели стреляные гильзы, попадались разбитые шлемы. Дальше по склону был виден ржавый остов танка, погруженный в лед. В холодном воздухе ощущался запах горячего.

Несмотря на ледяной холод, Росс был облачен в спатейские боевые доспехи. Хромированные пластины брони покрылись инеем, от них поднимались в воздух завихтки пара. Сверху доспехов инквизитор надел табард из мозаичных обсидиановых чешуй. Маленькие пластинки психореактивного материала, хотя и хорошо защищали от вражеских псайкеров, весьма мало способствовали защите от холода. Росс протерз до костей.

Но холод был лишь еще одним источником раздражения в и без того длинном списке. Росс работал на этой планете уже почти месяц и никакие исследования, поиски, вопросы до сих пор не дали даже намёка на причину возникновения психического сигнала, исходящего от планеты. Миллионы людей страдали и умирали, а он выискивал какую-то незначительную психическую аномалию, до которой никому в Орго-Еретикус по-настоящему не было дела. Росс чувствовал себя усталым, измученным и отчаявшимся. Все это, как он мрачно размышлял, не может

считаться хорошим началом его карьеры.

— Они снова начали, сир, — суровый аристократический голос отвлек Росса от его размышлений.

Человека, который говорил с ним, звали Бастизель Сильверстайн. Один из лучших агентов Росса, охотник на ксеносов из лесов Вескепина, Сильверстайн, конечно, был прав. Профессиональный охотник с аугметическими линзами редко ошибался в таких вещах. Перекрестия прицела, подрагивающие на зрачках его глаз, поймали силуэты «Мародеров», вдаль откинувших на цель.

Под разворачивавшимся самолетом вспыхнули фонтаны огня и непла, сопровождаемые безошибочно узнаваемым грохотом разрывов бомб. Даже без оптической аугметики Сильверстайна можно было видеть, что авиация Имперского Флота бомбит цели к юго-западу отсюда.

Росс страшно выругался.

Сегодня будет новая бойня. Это не уничтожение Легионов Хаоса, не эпическое

изгнание князя демонов, о которых Расса считал в библиотеке Схолы Прогениум. Нет. Это очередное убийство отчаявшихся, до смерти напуганных и измученных голодом беженцев. Бомбы будут сброшены, люди погибнут, но конец войны ничуть не станет ближе. А для Расса не станет ближе завершение этого проклятого дела.

Словно подчеркивая его мысли, резкий гул двигателей, звучащий вдалеке, вдруг стал давить на слух еще сильнее. Посмотрев вверх, Расса увидел «Стервятника», вынырнувшего из-за туч на высоте двух километров, и резко устретившегося вниз. У Расса кровь застыла в жилах. Он почти предчувствовал, что произойдет дальше.

Судя по всплеску паники среди беженцев, бредущих ниже по склону, они тоже поняли, что должно случиться. Не более чем в сотне метров от него горная теснина была заполнена морем истощенных лиц, в немом страхе смотревших в небо. Большинство жителей Сирены не знали, что такое ударный

самолет «Стервятник», но они поняли, что этот злобещий силэт в небе летит к ним.

Сильверстайн, однако, видел его во всех подробностях, в левом верхнем углу аугметического глаза замелькали технические характеристики:

+++ штурмовик типа «Стервятник», образца Обекс, ударный самолет вертикального взлета и посадки для действий в атмосфере. Основное вооружение: тяжелый болтер в носовой части фюзеляжа, дополнительное вооружение: автоматы на крыльях -- контейнеры с ракетами на узлах внешней подвески +++

Сильверстайн посмотрел на Росса, явно встревоженный.

Инквизитор обернулся к своему спутнику и прошептал:

-- Подожди.

«Стервятник» пролетел мимо их каменного выступа, извергая выхлопы из своих турбин. На высоте сорока метров над охваченной ужасом толпой беженцев самолет резко заметлил снижение,

развернувшись носом, и завис над поверхностью на своих векторных движателях.

Со своего места на склоне Росс видел «Стервятник» почти на уровне глаз. С нарастающим беспокойством инквизитор наблюдал, как из десантного отсека самолета спустился десяток канатов, потянувшихся к земле, словно щупальца чудовища. Солдаты, тяжело нагруженные оружием и снаряжением, начали спускаться по канатам.

Росс немедленно узнал солдат 45-го полка Монтейских штурмовых саперов. Высокие, крепкие люди, широкоплечие и бородатые, с лазерными карабинами на плечах. Их теплое зимнее обмундирование, погбитое мехом мантина и окрашенное в характерный серо-зеленый камуфляж, узнавалось безошибочно.

Много лет назад, когда Росс изучал информацию об элитных горных войсках в Схоле Прогениум, монтейцы произвели на него большое впечатление. Они прославились своим умением сооружать траншеи, полевые укрепления и мосты.

Среди смертельных моней Кечвайо в 609.М41 штурмовые саперы подготовили свое наступление в предположительно непроходимой местности, построив систему осушительных дамб и используя подвижные понтоны. Благодаря их мастерству и изобретательности одна дивизия штурмовых саперов разгромила 80 000 орков. Там, где бои выигрывались маневром, бойцы Монтея прокладывали путь.

Сейчас Росс испытывал совсем иные впечатления, наблюдая, как девять штурмовых саперов высадились с борта «Стервятника» и сразу же изготовились к бою. Развернувшись широким клином, они заняли позиции на крутом склоне, опустившись на одно колено, и вскинув лазерные карабины к плечу, направили их на толпу беженцев. Сильверстайн, стоявший рядом с Россом, изумленно приложил руку в перчатке ко рту. Конечно, они не должны были это делать. Но они это сделали.

Когда монтейцы открыли огонь, первые выстрелы прошли над головами

беженцев. Предупреждение. Зажатые
между краем узкой теснины и стрелками,
люди в отчаянии начали бросаться вниз по
почти вертикальному склону.
Обжигающие лучи рассекали воздух с
треском и шипением.

-- Сделайте что-нибудь! -- воскликнул
Сильверстайн.

Потрясенный Росс не сразу понял, что
охотник обращается к нему. Он
напряженно наблюдал за катастрофой,
разворачивавшейся внизу. Паника была
абсолютной. Караван беженцев почти
сорвался с обрыва, вьючный мул,
кувыркаясь, полетел вниз. Толпа
охваченных страхом беженцев сама себя
выталкивала вниз по склону, набирая
скорость, как горный оползень.

-- Я знаю! Знаю! Только дай мне
подумать... -- начал Росс.

-- Некогда думать! Просто сделайте
что-нибудь!

Сильверстайн был прав. Надо было
импровизировать. Конечно, умение быстро
принимать решения было одним из первых
уроков, который должны были усвоить все

инквизиторские аcolиты. Его учителя называли это находчивостью, определяющей пригодность, но это значило то же самое.

Росс бросился бежать к гвардейцам, размахивая инквизиторской печатью в поднятой руке. Из-за скользкой осадочной породы под ногами без превратился в весьма рискованный спуск. Половину пути он просто скользил вниз, и несколько раз падал на локти и колени. Завершил свой спуск он быстрым прыжком через каменистую осыпь, перекувырнувшись в воздухе, прежде чем тяжело удариться о землю. Теперь он оказался в самой гуще событий.

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! — кричал он.

К чести гвардейцев, их дисциплина была безупречной. Огонь прекратился, но они не опустили оружие. Росс внезапно увидел, что все девять лазерных карабинов направлены на него.

— Опустите оружие. Я Ободайя Росс, агент Инквизиции, — Росс подчеркнул последнее слово, показывая солдатам свою

инквизиторскую инсигнию.

Солдаты, как ил и следовало, смотрели на сержанта, свирепого вида зротилу с могучим телосложением лесоруба. Сержант, не отрывая взгляда от Росса, не двигался.

— Не слушайте его, парни, — прорычал он.

Росс глубоко вздохнул. Воздух был наполнен запахом озона. Стволы девяти лазерных карабинов были направлены на него. Он не заметил, когда сиренцы позади перестали кричать, но сейчас они не издавали ни звука. Росс заметил, что сержант смотрит на его хромированный плазменный пистолет в кобуре на плече, словно ожидая, хватит ли у инквизитора храбрости взяться за оружие. Росс вытащил пистолет.

— Опустите оружие, — повторил он свой приказ.

— Не делай глупостей. Мы не хотим, чтобы тут произошел какой-нибудь несчастный случай, — ответил сержант ледяным голосом.

— У меня инквизиторские полномочия.

— А у меня приказы командования, инквизитор. Это не ваша война.

Росс чувствовал, что его сердце стучит, как барабан. Он понял, что они не хотят слушать никаких разумных доводов. Придется разыграть последнюю карту, хотя Росс надеялся, что до этого не дойдет. Инквизитор сжал челюсти и указал вверх, на горный склон.

— Сержант. Там, в трехстах шагах от вас сидит снайпер с винтовкой «Экзитус». Не пытайтесь его разглядеть, он хорошо спрятался. Еще могу вам сказать, что его обучали мастера лож Вескенина, и я видел, как он попадает в глаз аэро-рантора в полете. За четыре секунды он уложит половину вашего отделения. Ваш ход, сержант.

— Вы блефуете, — сказал сержант, но его голос уже не был таким спокойным. Теперь это была не его игра.

— Ну, если так...

Наступила пауза. Потом сержант обернулся к своим солдатам и неохотно кивнул. Девять лазерных карабинов опустились. Выше на склоне скатилось

несколько камней и вздрогнули заросли
утесника. Бастиэль Сильверстайн в
отлично сшитом пальто из темно-зеленой
кожи пирангатора вышел из укрытия. В
его руках была глинная винтовка.

Росс просигналил ему руками приказ
сохранять бдительность и снова
повернулся к сержанту.

-- Сержант...

-- Сержант Клейс Джегга, 2-й
батальон 45-го полка Монтейских
штурмовых саперов.

-- Сержант Джегга, -- повторил Росс,
позволив имени повиснуть в воздухе,
прежде чем продолжать. -- Какого черта
вы с вашими людьми тут делаете?

-- Мы расчищали путь, пока вы не
появились, -- ответил сержант, все еще
вызывающе.

-- Путь куда?

-- Задание особой важности. Личный
приказ полковника. Вас это не касается,
инквизитор.

-- Теперь это меня касается, сержант.
Если вы не скажете мне ничего, я
предъявлю обвинения вам и вашему

полковнику в военных преступлениях. Он
бюджет очень недоволен, не так ли?

Росс загнал его в угол. Он понял, что
Джедда из тех солдат, которые скорее
рискнут вызвать недовольство
Инквизиции, чем гнев своего командира.

— Ничего преступного здесь нет. Все
эти бродяги — потенциальная угроза. Два
дня назад мы потеряли патруль
штурмовых саперов, направлявшийся в зону
потенциальной угрозы. Они все погибли. Я
с ребятами не собираюсь зря рисковать.

Зона потенциальной угрозы.
Терминология Гвардии. Росс поднял бровь.

— Что это за зона потенциальной
угрозы, сержант?

— Неизвестный костический корабль.
Патруль из четырех человек обнаружил
признаки большого металлического
объекта в ледяной пещере в двух
километрах к западу отсюда. В своем
последнем сообщении они подтвердили,
что это корабль, втерзший в ледник.
Должно быть, он был тут у нас под носом
еще до зимы.

Росса это определенно

заинтересовало. Эта ледяная гробница означала, что корабль проскользнул мимо планетарной блокады по крайней мере шесть или семь месяцев назад. Возможно, он был связан с психическими эманациями, возможно нет, но так или иначе, это надо было проверить.

— Сержант Джегга, вы немедленно прекратите терроризировать этих людей. Более того, вы вообще не должны открывать огонь, пока не получите разрешения.

— Разрешения... — сержанта это явно застало врасплох.

— Да, сержант. Разрешения от меня. Я иду с вами.

КОРАБЛЬ оказался небольшим торговым судном, погребенным под толстым слоем льда. Обгоревшая краска корпуса казалась раскаленной, почти светящейся под намерзшим льдом. Он был скрыт в пещере, как в колыбели, покоясь в ледяной пасте, окруженный клыками сосулек.

Тупоносый корпус корабля был около

глубоким шагом в глину, на его носу
остались следы ударов от столкновений с
метеоритами. Росс предположил, что,
судя по уплощенному угловатому корпусу,
это блокадопрорыватель, подобный тем,
что предпочитали использовать
контрабандисты и нечистые на руку
вольные торговцы.

Росс и его команда приближались к
пещере по узкому ущелью, медленно
продвигаясь вдоль каменного пласта.
Впереди шел инквизитор, в его руке гудел
включенный ауспекс. Позади него в колонне
двигались Сильверстайн и монтейские
гвардейцы, держа под прицелом все
подходы. Они дошли до тупика от входа в
пещеру, когда ауспекс издал
предупреждающий сигнал. На его дисплее
была заметна одиночная цель, примерно в
полукilометре от их позиции, почти
рядом с кораблем.

Росс сигналом дал команду
остановиться и занять укрытия.
Осторожно пригнувшись, он подошел к
входу и заглянул в пещеру, держа наготове
плазменный пистолет. Пещера была

огромной, превосходя даже колоссальные
ангары имперских линкоров. Перед ним
возвышались легяные колонны,
подпиравшие сияющий голубовато-белый
потолок. Ручьи талой воды тянулись, как
кровеносные сосуды по полу пещеры,
разветвляясь между снежными дюнами.
Росс не мог разглядеть, кто там
прячется.

-- Бастиэль, -- позвал он почти
шепотом. Охотник, пригнувшись, поспешил
к нему.

-- Сир, что вы нашли?

-- Ничего. В этом и проблема.
Посмотри, может быть, ты что-то
разглядишь, -- Росс показал охотнику
успех.

Сильверстайн опустил винтовку
«Экзитус» и начал осматривать пещеру,
аугментические глаза поворачивались с
жужжанием механизмов и собирали
данные. Он разглядел цель почти
мгновенно.

+++ Одиночная цель, неподвижна.
Высота около 1,5 м. Масса
приблизительно 40-50 кг. Идентификация

цели: человек женского пола -- 98%. Ксенос
женского пола -- 57%. Другой гуманитар --
36%. Расстояние до цели: 298,33 м.
Состояние -- ЦЕЛЬ ЖИВА. +++

-- Сир, похоже, там некая леги сигни
на снежной дюне, примерно в трехстах
метрах впереди. Что я должен делать? --
спросил Сильверстайн.

-- Пока ничего. Хорошо сработано,
Бастизэль.

Росс обернулся туда, где укрылся
сержант Джегга, и нажал кнопку вокса,
чтобы привлечь его внимание.

-- Сержант, в пропавшем патруле
были женщины?

Сержант покачал головой.

-- В полках штурмовых саперов не
служат женщины, сэр.

Росс прикусил губу, нервная привычка,
от которой он так и не избавился. Наконец
он встал и подал сигнал своей команде
сделать то же самое.

-- Бастизэль, мы продолжим идти
вперед, но я хочу, чтобы ты держал ее на
пушке. Смотри, чтобы она все время была
у тебя в прицеле, и говори, что ты

видишь. Понятно?

— Понятно, сир.

Команда продолжила осторожное продвижение вперед, пробираясь по снегу. Силуэт корабля, как ледяная гора, вырисовывался впереди, и вскоре стала видна одинокая фигура у его подножия.

— Сир, это определенно женщина. Она увидела нас и встала.

Сейчас они были на расстоянии менее двухсот пятидесяти метров.

— Что ты видишь, Бастиэль?

— Она молода; я бы сказал, что ей не больше тридцати стандартных лет. Она вооружена. Какое-то древковое оружие. Возможно, она из мятежников, сир.

Двести метров и еще ближе. Взгляд Росса скользил по ледяной поверхности, ожидая возможную засаду за каждым гребнем, каждой дюной. Несмотря на беспощадный холод, Росс был очень доволен, что его тело защищают доспехи.

— Она смотрит прямо на меня, сир, — сообщил Сильверстайн.

Теперь до цели оставалось меньше сотни метров, и Россу больше не нужна

была помощь Сильверстайна, чтобы разглядеть молодую женщину на снежной дюне. Она была стройной и казалась еще тоньше из-за расшитых узорами шелковых тканей сафирового цвета, в которые была облачена. Там, где узорчатые широкие рукава заканчивались, на руках были вытатуированы воинские литании, стих за стихом. Несомненно, она была из секты Мастеров Клинка.

— Убейте ее! — потребовал сержант Джегга.

— Нет! Стоять! — приказал Росс.

Впереди на гребне дюны Мастер Клинка воткнула свое оружие в снег: если это не был знак мира, то, по крайней мере, жест перетирия. Оружие было глиной снее, что-то вроде тонкой алебарды, половину глины составляло обмотанное кожей древко, половину — прямой клинок.

— Подойдите и назовите себя! — твердо голосом приказала она.

Росс был настороже, но решил, что дипломатия сейчас будет самым полезным средством в его распоряжении. Он повторил жест перетирия, убрав

плазменный пистолет в кобурѣ.

– Я инквизитор Ободайя Росс из Ордоса. Еретикѣс, а это, – он указал на гвардейцев – позадѣс, – слуги Бога-Императора.

– Будьте осторожнее, инквизитор. Я Бикейла, Мастер Клинка, и охраняю этот корабль.

– Это ты убила солдат, которые пришли сюда два дня назад?

– Нет. Корабль убил их.

После этого ответа Росс услышал гудение лазерных карабинов – гвардейцы сняли оружие с предохранителей. Они были обозлены, и если Росс не добьется от этой лютятежницы четких ответов, ситуация выйдет из-под его контроля.

– Мастер Клинка, тебя убьют, если ты не расскажешь, что произошло.

Бикейла, казалось, ничуть не была устрашена этой угрозой.

– Убейте, если вам так хочется. Но я клянусь своей верностью Монарху Сирены. Я не сражалась с вашими солдатами.

– Хорошо... Что на этом корабле?

– Ничего. Все. Шестнадцать лет назад они пришли на Сирену и сказали,

что они дети Монарха -- его потомки.

-- Это был не тот ответ, которого Росс ожидал. Монарх, насколько было известно, являлся номинальным правителем Сирены, этот титул был традицией, восходящей к до-имперской истории планеты. Нынешний Монарх Сирены отказался признавать власть Империи и изгнал лорда-губернатора Вангта. Довоенные записи показывали, что, когда изолированные имперские аванпосты и миссии были захвачены, у жителей Сирены не было доступа к межпланетным путешествиям, и нигде не было упоминаний о детях Монарха.

-- Потомки? -- спросил Росс.

Бикейла кивнула.

-- Да, его дети прилетели на этом корабле шестнадцать лет назад. Монарх принял своих детей и приветствовал их возвращение. Это была торжественная церемония, многие воины кланов пировали там. Я знаю, потому что я тоже там была.

-- Монарх Сирены скрывается с тех пор, как началась война, если он еще не

мертв, -- возразил Росс. Он чувствовал, что-то страшное и отвратительное происходит на этой планете, и часть его не хотела в это верить.

-- Он не мертв. Я знаю, где он прячется, -- сказала Бикейла.

Пожалуй, это было слишком много информации за один раз. С самого начала войны имперские силы неустанно охотились за неуловимым Монархом, считавшимся духовным лидером мятежников-партизан. Сотни воздушных налетов, тысячи патрулей пехоты не добились ничего. А теперь вот это.

-- Почему ты сообщаешь нам эту информацию? -- спросил Росс.

-- Потому, что я видела, что находится на этом корабле, и если они действительно гети Монарха, то это не той Монарх! -- заявила она.

Только теперь Росс понял, что Бикейла не охраняла корабль от нарушителей. Она охраняла его, чтобы не позволить выйти наружу тому, что скрывалось внутри него.

Однако сержанта Джедду это не

убедило.

— Это ловушка. Наверное, эта ведьма так же вешала наших ребят на лапы на уши, прежде чем убить их, — прорычал он. Его солдаты хором выразили согласие.

Росс не делал таких поспешных выводов. Важность этой информации — если это правда — была слишком велика, чтобы ее игнорировать. Его долг как инквизитора требовал расследовать это более основательно. Немного отойдя в сторону от солдат, Росс вызвал сгусток ментальной энергии и слегка прозондировал разум Бикейлы. Мастер Клинка напряглась, почувствовав ментальное вторжение.

— Что ты делаешь?! — прошипела она.

— Проверяю твои намерения.

— Не делай этого больше, или я убью тебя, и твоя смерть будет болезненной.

Росс кивнул. Он уже выяснил все, что требовалось. Она говорила правду — в обоих случаях.

— Я и моя команда должны исследовать корабль.

— Тогда я пойду с вами, — сказала

Викейла тоном, не допускающим возражений.

— Ты хочешь помочь нам? — удивился

Росс. — Как союзник?

— Нет. Я ненавижу вас. Но я хочу помочь моему народу. Они не знают того, что знаю я. Я была на этом корабле.

— Что там? — спросил Росс.

— Увидишь, — последовал ответ.

КОРАБЛЬ был живым.

По крайней мере, так Россу показалось сначала. Сырые связки мускулов и пульсирующие артерии извивались вдоль стен и решетчатой палубы неподвижного корабля. Воздух был тошнотворно теплым и влажным. Словно что-то бесконечно злобное и безобразное росло в металлическом корпусе судна.

Команда Росса вошла через пробоину в корпусе корабля, и оказалась в давно неиспользовавшемся ремонтном отсеке. Ряды станков с инструментами стояли вдоль стен, вокруг них обвивались мокрые щупальца. В левом верхнем углу потолка ритмически раздувался и сокращался

огромный шар из отекающей плоти, как чудовищное легкое.

При дальнейшем исследовании палубы, коридоров и отсеков корабля обнаружилось только еще большее количество пульсирующих внутренностей. Чем глубже в сердце корабля они заходили, тем больше было этой мерзости. Коридор, ведущий на мостик корабля, оброс ребристыми хрящами. Дальше они пройти не могли -- вход закрывала мембрана из розовой плоти.

-- Ты знаешь, где мы находимся? -- спросил Росс Бикейлу.

-- Нет. Я не заходила дальше первого отсека. Это место проклято, и дальше будет только хуже.

Росс не был уверен, что такой прогноз Мастера Клинка окажется точным, но это было вполне возможно. Он подошел к мембране, стараясь не наступить в лужи вязкой жидкости, скапливавшиеся на палубе. Спрятав пистолет в кобур, Росс осторожно потянулся к органической мембране, когда все три успеха в команде одновременно

издали предупреждающий сигнал. Росс застыл.

-- Что там? -- спросил он.

-- Сигналы от многочисленных объектов, быстродвигающихся к перекрестку этого коридора, -- доложил один из штурмовых саперов.

-- Да, сэр. У меня то же самое, -- подтвердил другой солдат.

Росс повернулся, достал пистолет и направил его на полость в воспаленной плоти, которая когда-то была Т-образным перекрестком.

-- Объекты движутся слишком быстро. Мне кажется, мы засекли электрические разряды от систем корабля, -- добавил третий солдат.

Они ждали в напряженной тишине.

-- Солдат Вессель, бегом десять шагов назад и сообщи новые показания. Возможно, мы стоим под генератором, -- приказал сержант Джедда.

Вессель, не отрывая глаз от экрана ауспекса, держа карабин на плече, направился к перекрестку. Вспатриваясь во трак, он вытянул вперед ауспекс, чтобы

получить более четкий сигнал.

Тварь выскочила из темноты с огромной скоростью, перерубила ему позвоночник и отшвырнула труп. Мелькнув в облаке кровавых брызг, она бросилась на другого солдата в коридоре, и вытоптала его. Яростный шквал лазерного огня обрушился на место, где она только что была, но тварь опять двигалась.

— Что это за черт?! — крикнул Росс Сильверстайну, выстрелив из плазменного пистолета. Заряд плазмы разорвался в коридоре, как маленькая сверхновая.

Охотник пытался прицелиться в тварь, когда она бросилась на третью жертву, и едва успел прочитать информацию о цели.

+++ Анализ цели: ксенос, хортагаунт. Подвид: неизвестен. Происхождение: неизвестно. Флот-улей: неизвестен. Источник данных: Ультратар (745. M41)+++

— Тиранид, — ответил Сильверстайн. Эффектным выстрелом, предупредившим следующий прыжок твари, он разнес ее бронированный череп.

Еще два хормазгунта выскочили в коридор, прямо под ураган огня команды Росса. Инквизитор целился из плазменного пистолета, приготовившись выстрелить, когда ему показалось, что мир вокруг взорвался. Мембрана, закрывавшая вход на мостик корабля, разорвалась, и из тьмы появился монстр, такой огромный, что ему приходилось сгибаться чуть ли не вдвое, чтобы пройти в коридор. Четыре громадных костяных косы, выраставшие из его покрытого панцирем туловища, и соединенные с толстыми, как канаты, мускулами, рассекали воздух, как серпы.

Росс, будучи инквизитором, имел доступ к знанию, которое для других считалось непозволительным и еретическим. Иногда знание врага и его силы вызывает страх, который хуже неведения. Росс узнал эту массу мышц и сухожилий в покрытой шипами хитиновой броне, и потрясенно застыл в страхе.

Это был лорд выводка генокрадов, и он бросился на инквизитора так быстро, что тот не успел отреагировать. Единственное, что его спасло — клинок

Викейлы, успевшей перехватить монстра. Мастер Клинка, совершив пирүэт в воздухе, ударом сверху вниз отрубил одну из верхних конечностей чудовища. В ответ тираниг со страшной силой отшвырнул ее к стене психическим ударом.

Росс не тратил время зря. Активировав силовую перчатку, он атаковал лорда мощным хуком слева. Чудовище со змеиной грацией увернулось от удара, и взмахнуло тремя оставшимися конечностями. Росс пригнулся, почувствовав, как костяной клинок скользнул по наплечнику его брони.

Они сражались на двух разных уровнях. Пока их тела боролись в физической схватке, их разумы сошлись в психической дуэли. Тираниг был гораздо сильнее, его разум бешевал, как приливная волна кипящей ярости. Росс не был сильным псайкером, но те возможности, что у него были, он использовал умело, укрепляя и затачивая свою волю, превращая ее в кинжал, разящий врага. Разум лорда генокрагов был подобен

сокрушительной силе слепой лавины, Росс наносил удары с изяществом тренированного псайкера, обученного в Схоле Прогениум. Это было подобно смертельной схватке между кракеном и меч-рыбой.

На физическом плане Бикейла снова атаковала. Она была едва в сознании, и сражалась исключительно на мышечной памяти. Вращая алебардой, она надеялась, что попадет в правильную цель. Тонкий клинок глубоко вонзился в бок лорд-генокрагов, разрубив связку мышц. Чудовище взвыло так пронзительно, что весь корабль содрогнулся.

Это было именно то, что нужно Россу. Почувствовав открывшуюся на секунду брешь в ментальной защите тиранига, Росс, сжав волю в ментальный клинок, ударил в разрыв в психическом барьере. Оказавшись внутри, он взорвался миллиардом смертоносных игл, разлетевшихся облаком.

Лорд генокрагов умер быстро. После этого последние хортагаунты в коридоре, лишившись синаптического контроля,

были буквально разорваны огнем
зваргейцев. Когда ментальная броня
утирающего лорда генокрагов рухнула,
Росс ворвался в его разум, как копьеносец,
пробившийся через вражескую стену
щитов. И Росс был абсолютно не готов к
тому, что случилось дальше.

Он увидел флот-улей на самом
далнем горизонте своего мысленного
взгляда. Он видел его приближение, его
ярость и голод. Он чувствовал -- нет,
слышал психическую песню, которая звала
его, как пульс, как капли крови в океане.
Песня исходила с Сирены J, страшная,
чужовищная, вонзавшаяся, как острие, в его
разум. Лебединая песня. Все сразу встало
на свои места, как фрагменты
головоломки. Он видел корабль, и выводок
генокрагов на нем, детей Монарха Сирены.
Он видел их разумы, пульсирующие в
унисон, зовущие свой улей, призывающие
спасение. Психический вакуум отключил
его нервную систему, и сердце Росса
остановилось.

-- Сир! Вы слышите меня?!

Голос вернул Росса в сознание.

выдернуv его на поверхность, как
утопающего. Первое, что он увидал, был
Сильверстайн, желтые зрачки его
угметических глаз выражали тревогу.
Если бы не голос охотника, Росс, вероятно,
так и утер бы стоя.

-- Сир? Вы очень бледны, -- сказал
охотник, поддерживая Росса. Инквизитор,
еще не придя в себя, отмахнулcя, но
поскользнувшись на хрящеватом полу
туннеля, упал на колени.

-- Убейте его... убейте его. Найдите
его... убейте... -- слабо прошептал он.

-- Кого убить?

-- Монарха, -- сказал Росс немного
громче, поднимаясь на ноги. -- Монарха.
Отца выводака.

ЗА ГОРНОЙ цепью Сефарди
имперская артиллерия вела огонь, разнося
горы на куски, а куски -- в пыль. Постоянное
кранг-кранг-кранг батарей грохотало так,
словно сталкивались тысячетонные глыбы
покрыта. В каменных склепах глубоко под
горати, в лабиринтах пещер, миллионы
родовых гробниц содрогались от жестокого

обстрела. Там, среди своих мертвецов, скрывавшиеся легионы Монарха Сирены готовились дать свой последний бой.

Атака на лабиринт склепов Сирены началась перед рассветом. Имперское командование, к своей чести, отреагировало быстро, и лорд-маршал Камбрия лично контролировал развертывание сил быстрого реагирования в течение шести часов. Открытие инквизитора Росса прозрело, как взрыв, в имперских штабах, и теперь командование отчаянно стремилось завладеть инициативой. Казалось, тупик в войне, из которого не было выхода, скоро будет преодолен.

Когда восход солнца окрасил небо в оранжевый цвет, штурмовые саперы 45-го Монтейского полка пробились к входу в подземелья. В бой вступили части коммандос Курассианских Уланов, пять эскадронов 8-го Амартинского кавалерийского полка и три батальона штурмовых саперов.

Но это была отвлекающая операция. Главный удар наносила истребительная

команда, которая должна была проникнуть
в последнее убежище Монарха Сирены,
пока силы мятежников связаны боем.
Возглавляемые инквизитором Россом, с
Бикейллой в качестве проводника, взвод
монтейских штурмовых саперов и
отделение могучих командос
Курассианского полка с помощью
подрывных зарядов, установленных
саперами, пробилась к центру комплекса
захоронений.

Сейчас команда продвигалась дальше
под монолитным базальтовым сводом.
Согласно карте, которую нарисовала
Бикейла, это был Амриут Монарха.
Стены были такими толстыми и
черными от времени, что, казалось,
поглощали свет и звук. Росс не слышал
звуков боя на поверхности. Даже вокс-
станции дальнего радиуса действия
молчали.

Давящая тишина, как под водой,
действовала ему на нервы больше всего.

В Амриуте Монарха было очень
тихо и темно. Белый луч солнца проникал
с огромной высоты потолка, принося в

пещеру призрачный свет. Но не только тишина раздражала, но еще и эта проклятая вода. Вода была здесь везде.

Огромные чаши и тарелки, корыта, урны и целые бассейны -- всюду, куда бы ни посмотрел Росс, он видел застойную воду, темноты с ней стояли в самых глубоких углах зала. Вода в них покрылась пленкой из зеленых водорослей, а в некоторых даже расцвели бледные цветки лотоса. Вся вода была застойной и гнилой.

-- Когда Монарх Сирены встретится с бойцами Монтейского 45-го, я хочу, чтобы он при этом испытал самые болезненные ощущения в своей жизни! -- раздался в тишине пещеры голос сержанта Джедды. Гвардейцы хором поддержали его.

Несмотря на свои недостатки, Джедда был прирожденным командиром. Как инквизитор, Росс был рад, что у Империи есть такие люди, как сержант Клейс Джедда, готовые сражаться с его врагами.

Вся команда перешла на бег, направляясь к тронному залу Монарха, находившемуся впереди.

Позади Росса, не отставая, двигался Бастизель Сильверстайн. Он переключил прицел своего охотничьего арбалета в активный режим, и зарядил самонаводящуюся ракету. Вескепинская аркбаллиста из легких полимеров идеально подходила для боев в туннелях.

Впереди команды шла Бикейла, облаченная в одеяния воина-мстителя Сирены. Ее лицо было раскрашено белым и багровым, превратившись в оскаленную маску призрачной ведьмы, которая забирает мертвых. Ее наряд из сапфирового шелка был туго стянут поясом, сотканным из волос убитых врагов, за плечом висел картечный мушкет.

Преодолев тысячететровый коридор, команда Росса, наконец, вошла в тронный зал. Зал был огромным, превосходя даже впечатляющие размеры Амриута. Базальтовые стены и колонны из трапоя с прожилками поднимались, казалось, к самым небесам, потолка совершенно не было видно. По центру тронного зала проходила дорожка, вытощенная нефритом, по обе стороны от нее стояло

великое множество сосудов с водой. Снова Росс заметил, что вода была здесь повсюду. Он не успел спросить у Бикейлы, почему.

— Приветствую вас при дворе милостивого Монарха Сирены, — слышался плавный мужской, и в то же время женственный голос. Голос раздавался из мощных вокс-усилителей, встроенных в подлокотники нефритового трона. На троне сидел сам Монарх.

Он был облачен в шелковое одеяние рубинового цвета с высоким воротником, шлейф и рукава тянулись на несколько метров, свешиваясь с трона. Пальцы его рук, сдержанно сложенных на коленях, заканчивались глиняными серебряными излами. Лица его не было видно из-за мерцающей желчужной вуали, свешивавшейся с куполообразной короны. Десять дюжин отпрысков Монарха сидели на скамьях ниже трона, глядя с бесстрастным спокойствием.

Аура неземного величия и достоинства была так сильна, что, как заметил Росс, некоторые солдаты

опустили оружие, невольно застоптревшись на это великолепие. Тем не менее, Росс поднял голову и встретил взгляд прямо на желчужную вуаль.

— Ордо Еретикус здесь, чтобы покончить с тобой, — заявил он в ответ.

Хор отпрысков Монарха разразился пронзительным смехом. Они были именно такие, как описывала их Бикейла при планировании операции.

Евнухи, все до одного. Тонкие и с виду слабые, одетые в глинные, до лодыжек, мантии из шелка розовых, фиолетовых, кремовых и нефритовых оттенков. Они обладали достаточно человеческой внешностью, но даже издалека Росс видел их кораллово-розовую кожу, полупрозрачную, с тонкими красными венами.

Странно, но у них всех были аттированы левые руки. На обрубки их предплечий были надеты золотые чаши с прикрепленными к ним толстыми шелковыми переплетенными шнурами. Сплетенные шнуры образовывали толстые канаты из шелка, более метра длиной. На конце каждого из них, словно некие

странные таятники, были навязаны большие узлы, образуя сферы из шелка, величиной с кулак.

Росс не мог понять символическое значение этих аллустаций. Ступно вспомнились архивные данные о тиране Куана, на окраине суб-сектора Тувалии. Тиран так боялся покушений на свою жизнь, что приказал всем, кто являлся к его двору, надевать перчатки из стеклянных трубок. Трубки в этих перчатках были заполнены кислотой и раскалывались при малейшем усилии. Так сильна была его паранойя, что тиран даже приказал своим женам, которых у него было три тысячи, надевать эти перчатки, приходя в его спальню. Однако, как вспомнил Росс с трачной утешкой, эти перчатки не спасли его от выпущенной из рта ядовитой стрелки ассасина Каллигус.

Если Монарх и был оскорблен дерзкой угрозой инквизитора, то никак этого не проявил. Его мягкий, бесполой голос, раздавшийся из вокс-усилителей, был спокойным и бесстрастным.

— Я не могу этого допустить, —
сказал Монарх, вставая с трона.

Воздух немедленно стал колючим и
холодным. Алебарда Бикейлы бессильно
повисла в руке, глаза Мастера Клинка
остекленели. Бастиэль Сильверстайн еле
слышно простонал:

— Колдовство!

Росс поднял плазменный пистолет, но
опоздал на долю секунды. Удар психической
энергии Монарха деформировал воздух,
расходясь вибрирующим конусом.
Инквизитора отбросило на тридцать
футов назад на мраморный пол цвета
слоновой кости, в фонтане брызг крови и
осколков черного обсидиана. Волны
психического удара расходились по залу,
как волны от камня, брошенного в пруд, все
поверхности покрылись толстым слоем
инея.

Удар такой силы размазал бы
обычного человека. Но у Ободайи Росса был
козырь. Табард из психореактивного
обсидиана принял на себя всю силу удара
псайкера. Глядя на разлетевшиеся осколки
обсидиановых пластин, Росс понял, что

второго такого удара броня не переживет. И он тоже. Из его рта и носа текла кровь и желчь. Голова кружилась, и он едва мог двигаться.

Он смутно слышал выстрелы, где-то, казалось, очень далеко. Он слышал, как Сильверстайн что-то кричит, но не мог разобрать слов. Единственной связной мыслью в голове было то, что псайкерская мощь Монарха должна была на некоторое время ослабеть после такого удара. Это даст Россу несколько секунд, прежде чем Монарх снова соберется с силами и убьет их всех.

Росс огляделся, преодолевая тошноту. Все вокруг выглядело странно искаженным. Дети Монарха построились фалангой вокруг трона. Они все, как один, опустили свои шелковые шнуры в сосуды с водой, которыми был полон весь зал, чтобы вода пропитала ткань. Безобидные шелковые узлы мгновенно превратились в тяжелые кистени.

— Хитрые ублюдки, — прошипел Росс, выплюнув горсть сломанных зубов. По обеим сторонам от него гвардейцы

продолжали поливать огнем отпрысков
Монарха. -- Готов спорить, что у них пог
этили платьями броня, -- Росс трачно
застеялся. Некоторые из детей Монарха
были сбиты с ног выстрелами, но
вставали и бросались в атаку солдат
инквизитора.

-- Прилкнуть штыки! -- крикнул кто-
то. Голос звучал искаженно в ушах Росса,
его слух был травмирован психическим
ударом. Штурмовые саперы выполнили
приказ, встретив противника стеной
штыков. Курассианские коммандос,
выхватив свои зазубренные короткие мечи,
с ревом всаживали их в бронированные
тела врагов. Вместе они встретили
натиск отпрысков Монарха.

Росс с трудом поднимался на ноги,
пытаясь сохранить равновесие, когда один
из евнухов бросился на него. Внезапно перед
глазами Росса оказались начищенные
ботинки Сильверстайна. Старый вассал
встал над оглушенным инквизитором и
поднял арбалет. Он перезарядил арбалет
скакорострельными болтами для охоты на
быструю дичь. Все двенадцать болтов

можно было выпустить за три секунды. Сильверстайну понадобилась только одна. Траг болтов разорвал лицо евнуха, нейротоксины вызвали такие спазмы мышц, что они сломали позвоночник. Евнух рухнул на пол, конвульсивно сжав единственную руку.

— Вы в порядке? Вы в порядке? — кричал Сильверстайн инквизитору.

Росс, наконец, сумел встать на ноги и слабо кивнул.

— Прекрати дергаться и подстрели уже этого ублюдка псайкера, — прохрипел он.

— Не могу попасть. У него что-то вроде генератора силового поля. Гвардейцы уже израсходовали кучу боеприпасов, пытаюсь пробить его. Придется атаковать врукопашную, — сказал Сильверстайн.

Росс, сторщившись, вытер рукой окровавленное лицо.

— Он подумал обо всем, да? Ладно, прикрой меня.

Инквизитор снова встряхнул головой, чтобы прояснить ее. Темное пятно мешало видеть левому глазу, и Росс

надеялся, что это не признак кровоизлияния в мозг. Отбросив все сомнения, он поднял правую руку, на которую была надетая хорошо подогнанная перчатка из синей стали. Силовая перчатка времен Танской войны. Оружие издавало низкое гудение, окружавшее перчатку силовое поле искрилось голубоватым сиянием.

Росс побежал прямо к трону. Краем глаза он видел, что отпрыски Монарха бросились на него, но выстрелы Сильверстайна были смертоносно эффективны. Над плечом и головой Россам мелькали стрелы, одна прошла так близко, что он слышал ее свист, похожий на змеиное шипение. Стрелы поражали евнухов, и Росс продолжал бежать к трону.

Инквизитор мысленно считал каждый болт, выпущенный из арбалета, пока не насчитал двенадцать. Сильверстайну требовалось перезарядить оружие. До трона оставалось лишь десять шагов; Монарх все еще сидел неподвижно, восстанавливая силы. И в этот момент евнух набросился на Росса.

Росс повернулся, его рефлексы были все еще затормозены после психического удара. Евнух, завизжав, ударил шелковым кистенем по ребрам, выбив воздух из легких. Росс попытался поднять пистолет, но кистень обрушился снова, на этот раз на руку. «Рука сломана», отстранено подумал Росс, добавив этот перелом к гливному списку других ранений. Пистолет выпал из его сломанных пальцев.

Стремясь скорее убить противника, Евнух усилил атаку. Кистень встретился с головой Росса. Инквизитор, больше благодаря удаче, чем расчету, увернулся от удара и всадил силовой кулак в грудь отпрыска Монарха. Силовое поле ярко вспыхнуло, перчатка проломила грудную клетку евнуха. Мертвый враг рухнул на пол.

Зная, что у него нет времени, Росс развернулся и бросился на Монарха. Псайкер уже почти восстановил силы. Он уже встал на ноги, его глаза светились молочно-белым светом, он готовился обрушить на противника новый удар.

психической энергии. Температура резко
пала.

-- Сейчас! -- крикнул инквизитор Росса, бросившись на псайкера. Его силовой кулак врезался в невидимое поле, окружавшее Монарха. Разрушительное силовое поле перчатки встретилось с защитным полем генератора, сверкнул ослепительный свет, и раздался страшный треск. Генератор, встроенный в нефритовый трон, взорвался. Защитное поле исчезло, воздух заполнил оставшуюся после него пустоту со звуком, похожим на удар грома. Росса отбросило на пол перед троном.

Бастизель Сильверстайн выпустил все двенадцать болтов в Монарха ровно за три секунды. С пятидесяти шагов все болты попали в цель, пригвоздив псайкера к его трону, как сломанную тарелочку. Почти сразу же пушкет Бикейлы изверг заряд картечи, прошив трон Монарха дымящимися отверстиями.

Все закончилось так же быстро, как и началось. За исключением порохового дыма от выстрела Бикейлы и боевого клича курассианских командос, рубивших

на куски последних евнухов, бой закончился. Металлический запах крови и выстрелов наполнял тронный зал.

Инквизитор Росс встал и отряхнулся. Закашлявшись, он выплюнул окровавленный зуб на останки Монарха, и сорвал с головы трупа корону с вуалью.

Нечеловеческое заостренное лицо смотрело на него мертвыми глазами. Темные, мертвые глаза ксеноса. Покрытый костяными гребнями лоб был залит кровью, в полукрытом рту виднелось множество зубов, полупрозрачных и острых, как иглы.

— Генокрады, — сказал инквизитор.

Он устало повернулся к своей команде, и посмотрел на поле боя перед собой. Во время своей службы дознавателем Россу довелось участвовать — и выжить — в множестве боев. Его учитель Лист Вандеверн был успешным полевым инквизитором, считавшим, что рейды и облавы всегда дают больше ответов на вопросы, чем кабинетное расследование. Росс, когда ему еще не было тридцати лет, успел поучаствовать в боях с

полудюжиной еретических культов, и даже в осаде крепости наркобарона в мире смерти Санс Гавирия. Но ничего из того не могло сравниться с жестокостью этого боя.

Тронный зал стал местом бойни. Множество трупов, одетых в разноцветные шелка, были разбросаны в беспорядке, как раздавленные бабочки. Десятки огромных сосудов с водой были опрокинуты или разбиты, залив пол зала розоватой, окрашенной кровью водой. Некоторые из мертвецов были одеты в монтейскую или курассианскую военную форму. Недалеко от Росса сидел мертвый курассианский команданго, вцепившийся руками в перчатках в горло врага. В гвардейца попали более десяти раз, но он так и не разжал руки.

Вокруг бойцы истребительной команды быстро осматривали труп за трупом. Россу казалось, что они делают это лишь по привычке, мощное оружие на таком расстоянии редко оставляет выживших.

— Сир, мы нашли одного живого. Сир?

позвал его Сильверстайн.

Росс вышел из послебоевого оцепенения, и понял, что Сильверстайн стоит у подножия трона и уже некоторое время зовет его. Разбрызгивая ботинками розовую от крови воду, инквизитор подошел за охотником к группе гвардейцев, стоявших с поднятым оружием. Когда солдаты расступились, Росс увидел, что они нашли раненого отпрыска Монарха, сидевшего на полу зала.

Генетически он был больше человек, чем ксенос, Росс заметил это сразу. Но глаза гибрида под выпуклым лбом, похожие на озера черной нефти, были лишены всякой человечности. Самой отвратительной была его пародия на симбиотическое оружие. Шелковый кистень, мокрый и блестящий, был очень похож на живое оружие тирангов. Правый рукав оторвался, открыв руку, сросшуюся с устаревшим тяжелым автоматическим оружием, коричневым и блестящим от смазки. Плоть и пальцы руки, как воск, обволакивали крупнокалиберный пистолет, что случайно или, скорее, преднамеренно,

напоминало некий органический биоморф.

-- Он может говорить, сир, -- сказал Сильверстайн, кивнув на тварь.

Отпрыск Монарха был ранен выстрелом из курассианского гробовика. Его левая нога была покрыта кровоточащими ранами и ожогами. Существо подняло голову, посмотрев в глаза Россу, и издевательски рассмеялось, показав ряды острых, как иглы, зубов.

Возможно, если бы Росс был старше, опытнее и терпеливее, он смог бы извлечь из вопроса гибрида больше пользы. Но пока толлотову инквизитору не хватало ни опыта, ни терпения. Росс просто рванулся вперед и схватил существо за воротник шелкового одеяния.

-- Сколько времени планета была заражена?! -- закричал Росс в лицо твари.

-- Какое это имеет значение? -- сказал гибрид, его хриплый голос звучал странно нечеловечески.

-- Потому что я спрашиваю! -- взревел Росс. Рванув за воротник, он с силой впечатал голову твари в трапезный пол. Существо фыркнуло, очистив ноздри от

воды, и снова застeyaлось, странный звенящий стeх эхом звучал в стенах зала.

Бикейла подошла к Россу, положив руку ему на плечо.

— Убей его. Просто убей его и все, — сказала она.

— Нет, пока он не ответит мне! — прошипел Росс. Все еще сжатая в руках шелковый воротник, он дернул, повалив гибрида и опрокинув его на раненый бок. Существо зашипело от боли.

Удовлетворенный, инквизитор повторил вопрос.

— Когда это началось?

— Три поколения назад, — прошипел отпрыск Монарха сквозь зубы. — Наши отцы пришли на Сирену как миссионеры, чтобы распространять семена великой семьи и ее благословенных детей.

Это признание не удивило Росса. На самом деле, это было почти элементарно. Сирена была пограничным миром, и миссионеры долгое время были единственными представителями Империи на планете. Кроме того, тогда на Сирене только священники и

экклезиархи ители доступ к кораблям,
способным летать в варне.

-- Это было прекрасно, -- вполголоса
произнес гибрид. -- Через семь зим
первородный принц Сирены был
благословлен кровью семьи. Он стал
отцом отцов. Когда он воссел на трон,
этот мир был наш.

-- Когда скверна распространилась на
остальную часть Сирены? -- спросил Росс,
стиснув зубы.

-- Терпение, терпение. Я как раз
подхожу к этому, -- хихикнуло существо.
Оно явно наслаждалось рассказом, делая
театральные паузы. -- Нам и не пришлось
слишком трудиться. Воинские секты
ненавидели имперских оккупантов, и когда
наш Монарх поднял мятеж, они сразу
стали нашим стагом, а мы -- их
пастырями. Когда воины перешли под наше
знамя, остальные сиренцы последовали за
нами.

Мы начали очищать наш мир от
всех следов имперского влияния. Те вожди
сект, кто еще был против, быстро
затолчали, когда их жены были отравлены

или обвинены в заговоре. Каждый день проводились тысячи публичных казней имперских лоялистов. Сирена переживала возрождение. СНО даже не пытались сопротивляться, но мы все равно перебили их всех. Эти слабые, ленивые и тязкотелые ополченцы набирались из поэтов, скульпторов и торговцев, ибо ни один настоящий воин не унизился до службы Империи. Каждый сиренец в коричневой расшитой форме и позолоченном высоком шлеме СНО был предателем. Когда начались казни, они толком не знали, как обращаться со своими автоганатами. Большая часть их оружия даже не была извлечена из пластиковых упаковок, в которых его доставили на планету. Они утирали так быстро... На островах Хиберы благословенные дети Монарха казнили целую дивизию этих предателей за один день. Представляете? Двенадцать тысяч лоялистов были закопаны в землю живыми. О, это было золотое время...

Бикейла, с покрасневшими от ярости глазами, прервала его:

– Хватит! Нам не нужно слушать это. Позволь мне убить его!

– Еще одно, – прорычал Росс, подтащив ухмыляющегося гибрида ближе.

– Психический сигнал, лебединая песня планеты. Это дело вашего вывода?

– Странно, что ты еще спрашиваешь, – сатоговольно сказала существо.

Росс отпустил его и отступил назад. Ответ, словно тяжелый камень, сдвинул его сердце. Последний взмах кисти, завершающий картину. Он расследовал это дело для Ордо Еретикус, но это будет пиррова победа. Слишком поздно, чтобы спасти Сирену.

– Верно, псайкер. Слишком поздно. Наш хор звал семью, и семья ответила нам.

Росс в ярости выхватил пистолет. Он ослабил ментальную защиту, и гибрид прочитал его мысли.

– Сколько нам осталось? – спросил Росс, подкрепляя вопрос ментальным воздействием.

Отпрыск Монарха запрокинул голову и расхохотался. Звонящий, пронзительный

стех оглушительно громко звучал в стенах огромного зала. Это было слишком. Росс поднял пистолет. Его палец скользнул на спусковой крючок. Но прежде чем он успел нажать, лицо гибрида залилось кровью.

Росс опустил оружие, тяжело дыша. Рядом стояла Бикейла, ее серебряный клинок был покрыт багровой запекшейся кровью. Ее облик вселял страх. Краска на ее лице размазалась от пота и жара боя, демоническая маска стекала с ее щек. У ее ног лежал отпрыск Монарха, ярко-красная кровь расплывалась в воде на полу, как нити вокруг его черепа.

Но стех не умолкал. После смерти гибрида его пронзительный хохот еще долго звенел в зале.

АННАЛЫ имперской истории не были снисходительны к Сирене J. В 866. М41 было записано, что армада ксеносов, известная как флот-улей, вторглась в субсектор Орко-Нелика. Благодаря предупреждению инквизитора Ободайи Росса все старшие офицеры и

высокопоставленные чиновники были эвакуированы. Имперскому флоту было приказано отступить, перегруппироваться и снова вступить в бой. Сообщения от отступающих сил флота описывали вторжение тиранидов как кипящую волну забвения.

На Сирене I семьдесят тысяч гвардейцев монтейских, курассианских и амартинских полков окопались в труднодоступных горах Сефарги, чтобы задержать продвижение ксеносов. В истории говорится, что за три месяца горы были превращены в обширную сеть артиллерийских позиций, укреплений, соединенных туннелями, и огневых точек, позволяющих вести перекрестный огонь. Когда ксеносы начали высадку, гвардейцы рассчитывали продержаться не меньше восьми недель.

Они не продержались и пяти часов.

Последующая кампания по отвоеванию суб-сектора сама по себе является эпической историей, достойной рассказа. Но о Сирене I там больше ничего не было. От одинокой драгоценности

Восточной Украины осталась лишь
стазанная чернильная строка в забытых
архивах Терры.

